

Слово редактора

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ В КОНТЕКСТЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО ГОСПОДСТВА

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье рассматривается проблема неопределённости понятия «государственный интерес». По мнению автора, в контексте сложившегося в России авторитарно-бюрократического господства указанное понятие имеет сугубо идеологический характер, легитимизирующий отождествление интересов общества, государства и бюрократии. Как показывает автор статьи, теория неожиданных последствий социальных действий требует отказа от концепции государственного интереса.*

Ключевые слова: *государственный интерес, национальный интерес, бюрократия, авторитаризм, господство.*

Необходимость переосмысления проблемы государственных интересов объясняется множеством фактов и тенденций современности. Прежде всего тем, что в СССР официальная точка зрения сводилась к постулату: интересы общества, государства и индивида совпадают. На деле за таким «совпадением» скрывалось абсолютное господство бюрократии над населением страны. С этой точки зрения советское государство не нуждалось в обосновании своих интересов. Сегодня понятие государственных интересов используется всеми членами государственного аппарата и его юридической и идеологической обслуги для обоснования особого (обычно привилегированного) положения в обществе. Но различия и конфликты между интересами бюрократии и государственными интересами во множестве актов соприкосновения государства с отдельными гражданами и всем населением страны попросту не фиксируются. Такая статистика не ведётся. Бюрократия стремится представить эти различия и конфликты несущественными. Поэтому строгий смысл понятия «государственные интересы» в системе бюрократических отношений, государственного формализма, политического рассудка и политического отчуждения остаётся неопределённым.

В России в нулевые годы установился авторитарно-бюрократический режим. Теперь произвол вершины политической бюрократии абсолютно довлеет над интересами населения страны [Иноземцев 2013]. В результате произошло повторное (на протяжении последней сотни лет) отождествление интересов общества, государства и бюрократии. Большинство населения страны пока не в состоянии осознать принципиальную противоположность между собственными интересами и интересами различных отрядов государственной бюрократии.

Эту проблему хорошо сформулировал ещё в 1955 г. И.А. Дедков: «Если Октябрьской революции пришлось ломать государственную машину царизма, то это была игра в бирюльки по сравнению с той махиной, которую, возможно, придётся убирать с пути будущему. Опирающаяся на сложившееся доверие масс махина советского и партийного аппарата почти не допускает разрушения. Помимо прочего во главе частей её механизмов стоят люди опытные и поднаторелые. Противопоставить им опыт и знания в должной степени немислимо. Компенсация должна последовать за счёт энергии, смелости, гибкой тактики, дерзких помыслов и трезвого, расчётливого ума. Главная задача перед возможными переменами вырвать народные массы из-под влияния власти, вселить в сердца смелость и вольность духа, противопоставить интересы правящего и трудящегося, т. е. лишить опоры. Лишённая опоры в народе власть теряет смысл» [Дедков 2005: 14].

Однако народные массы из-под влияния власти до сих пор не вырваны. Поэтому поставленная И.А. Дедковым проблема существует до сих пор. В целях теоретической фиксации противоположности интересов бюрократии и населения в условиях современной России я предложил концепт «сжирубешенства» и обосновал его эвристичность [Тимофеева 2015]. Свежим примером политического сжирубешенства может служить конфликт между Россией и Украиной после событий декабря 2013 – февраля 2014 гг. на Майдане Независимости в Киеве. Соответствует ли этот конфликт интересам населения обеих стран? Я пока не видел смельчака, который бы публично доказал такое соответствие. Но глубоко убеждён: если бы развязывание конфликта между Россией и Украиной было поставлено на референдум населения обеих стран, а в процессе его организации и проведения было бы исключено влияние государственного аппарата на индивидов, то никакого конфликта не произошло бы. Но конфликт продолжается до настоящего момента на различных уровнях. Значит, господствующие меньшинства обеих стран («новые русские» и «новые украинцы»), если использовать модный политический жаргон) и их политические и идеологические представители продолжают эксплуатировать в своих интересах общий для России и Украины феномен связи власти и собственности и силового предпринимательства [Волков 2012]. Продолжают применять право войны и мира в собственных целях, которым подчинена государственная пропаганда. При этом риторика государственных интересов используется противоборствующими силами для достижения данных целей. Принимающие участие в боях и других насильственно-пропагандистских действиях лица и группы верят этой пропаганде, поскольку она позволяет им реализовать свои собственные имперские амбиции и материальные интересы.

Такая ситуация становится нетерпимой. Цель данной статьи — описать теоретические предпосылки современного внутри- и внешне-политического «сжирубешенства», которое выступает в терминологической упаковке государственных интересов.

Полчища насекомых

Указанная проблема поставлена более ста лет назад Максом Вебером. В начале XX века он написал несколько статей о России, в которых обсуждались русские революции 1905 г. и 1917 г. как первая попытка перехода России к демократии. Эта попытка не увенчалась успехом — в России установилась диктатура. Причины краха первой попытки указаны выдающимся социологом по горячим следам событий [Вебер 2007: 7–9].

Первой и главной причиной является *специфика российской бюрократии*. Вебер определял её как паразита, единственный смысл которого состоит в поддержке баланса политических сил в обществе¹. Николай II никогда всерьёз не думал превратить Россию в правовое го-

¹ Здесь необходимо отметить, что в цикле своих исследований я определил бюрократию как социальный организм-паразит на основе работ К. Маркса и Ф. Энгельса. Поэтому мне было лестно, хотя и запоздало, убедить-

сударство и обеспечить гарантии личной свободы. Царь понимал только интересы полиции и полицейской бюрократии. В России власть может официально даровать свободы, но едва ими хотят воспользоваться граждане, становится ясной иллюзорность свобод. Неискренность русского правительства возбуждает ненависть населения и приводит к повторяющимся конфликтам между властью и обществом. Повторяющиеся на протяжении столетий конфликты в российском обществе обусловлены спецификой правительственной машины, которая разделила Россию на министерские сатрапии. Они оспаривают сферы влияния и живут в атмосфере постоянных административных интриг. При такой государственной машине продажность и халатность чиновников приходится рассматривать как положительный элемент.

Российский свод законов — это беспорядочная груда статей, которую невозможно считать эффективным правовым источником. Их соблюдение привело бы государственную систему к полному абсурду. Поэтому любой способ ускользнуть из сетей бюрократии оказывался необходимым для защиты человеческого достоинства подданных. «Бюрократическая рационализация самодержавия во всей внутренней политике, — писал Макс Вебер, — теперь оказывается сферой специалиста, а это означает при недостатке независимости у власти исключительное господство бюрократии» [Вебер 2007: 67].

Русская бюрократия обладает крестьянской хитростью и монгольским коварством. Она изощрена в каждом отдельном случае, но глупая с политической точки зрения. Всегда изыскивает юридические петли для бюрократизации парламента. А для оправдания полицейского произвола русская власть обычно ссылалась на террористов. Но бесправие лишь возбуждало симпатии к террористам и увеличивало число террористических актов. Поэтому Макс Вебер квалифицировал русское правительство как главного убийцу, который первым должен перестать убивать.

Российские чиновники не в состоянии выдвигать из своей среды «государственных деятелей», способных осуществлять реформы. Все документы российской государственной жизни всегда направлены к одной и той же цели — самосохранению полицейского режима. Против «полчищ насекомых» (под которыми Вебер имел в виду бюрократию и полицию) не могут никакие великие дела [Вебер 2007: 56–103].

Второй причиной краха первой попытки перехода России к демократии является *специфика политического режима в России, связанная с определенным отношением между бюрократией и политикой*: «Даже самый выдающийся чиновник, — писал Макс Вебер, — не годится для того, чтобы быть политиком, и наоборот. А царь был таким политиком ещё меньше. От тех, кто действует на скользком льду политики, требуются особые качества: жёсткий практицизм, точный глазомер, бесстрастное хладнокровие, способность действовать молча. Эти свойства не есть наследственное достояние Короны. Развить эти свойства трудно любому монарху, потому что само положение монарха располагает его к романтическим фантазиям... Как раз в монархических государствах нужны сейчас сильные правители, способные в случае необходимости именно исключить из игры политически бездарного государя в интересах государства» [Вебер 2007: 111].

Иначе говоря, проблема *исключения политических бездарей из политического процесса* в России была поставлена уже в начале XX века: «Большая политика всегда делается в узких кругах. Но для успеха нужно, чтобы: 1) в их решения не вмешивался такой бездарный монарх, как нынешний царь; 2) им была обеспечена достаточно широкая общественная поддержка; 3) они знали, как ведётся силовая борьба там, где в силу самой природы дела регла-

ся, что М. Вебер тоже определял русскую бюрократию как паразита, резервируя идеальный тип «рациональной бюрократии» для Европы, а в России может идти речь только о «рационализации самодержавия». Эта проблема нуждается в углублённом исследовании с привлечением результатов анализа истории понятий, политической концептологии и политической практики советского/российского государства на протяжении XX–XXI века.

мент, приказы и бюрократическое послушание непригодны как средства достижения цели, а именно так обстоит дело в большой политике. Так вот, исключить по практическим соображениям в его же интересах и в интересах страны бездарного монарха из политического процесса, не разрушая политической структуры, может только очень сильная и пользующаяся доверием широких слоёв избирателей парламентская власть. Но такие тривиальные человеческие качества, как ревность профессионального чиновничества, льстивость напускающих на себя «монархизм» плутократов и эстетический снобизм образованных филистеров и литераторов (всегда пресмыкающихся перед тем, что теперь в моде и, стало быть, «благородно»), десятилетиями мешали установлению этого простого порядка вещей» [Вебер 2007: 106–112].

Однако решить эту проблему в начале XX века помешала *взаимосвязь российского империализма, интеллектуализма и национализма*. Макс Вебер показал, что государственные интересы не могут быть объективными, поскольку они зависят от идеалов и ценностей. В результате реализации самодержавных идеалов и ценностей царизм построил в России самую страшную из мыслимых систему порабощения народов за всю историю [Вебер 2007: 157]. Поэтому русский интеллектуал, к какой бы партии он ни принадлежал, становится не национально, а националистически и империалистически ориентирован. Эта ориентация может принимать разный колорит, но суть остаётся неизменной. Империализм может выступать в деспотической, либеральной и социалистической формах. По определению Макса Вебера, империалист — это тот, кто за пределами сферы интересов своей нации силой вмешивается в дела других наций. На этой основе Вебер высказал общую рекомендацию о взаимосвязи политики и демократии в России: «Русские политики должны забыть о делах чужих наций; только так они могут доказать, что они подлинные демократы» [Вебер 2007: 138].

Однако это предупреждение выдающегося социолога и политического мыслителя оказалось позабытым. В любом случае российские революции начала XX века обострили проблему бюрократии, составными частями которой являются подпроблемы повторяющихся конфликтов между бюрократией и обществом, специфики политического режима, политической бездарности первых лиц государства и взаимосвязи российского империализма, интеллектуализма и национализма. Ни одна из этих проблем до сих пор не решена. Все они существуют в нынешней России [Пивоваров 2014]. Поэтому вторая (за столетие) попытка установить демократию, предпринятая правительством России в конце XX века, тоже закончилась установлением авторитарно-бюрократического режима [Шевцова 2004]. В данном контексте проблема переосмысления понятия и практики достижения государственных интересов с помощью исключения интересов правительства и бюрократии становится ключевой.

Сто лет спустя

На эту тему я писал неоднократно. Здесь приходится повторяться, но не от самонадеянности, а потому, что проблема опять решена в пользу бюрократии [Макаренко 2000а: 334–397]. Но теперь с использованием понятия «национальные интересы» (НИ), которые стали интеллектуально-политической модой России в 1990-е годы². Для идеологического прикрытия процесса воспроизводства советской бюрократии после 1991 г. был проведён ряд «круглых столов» в академических журналах на тему о связи НИ с политической историей страны и политикой нынешнего руководства России. Во второй половине 1990-х гг. появились обобщающие исследования. Б.В. Межуев наметил несколько тем при обсуждении природы НИ: история данного понятия в русской общественно-политической мысли; переход от идеологии

² Я уже писал, что интеллектуально-политические моды скрывают влияние дипломатических, военных и разведывательных агентств на реальную политику и процессы производства идей, из-за чего создание гражданского общества в России опять откладывается на неопределённый срок [Макаренко 2009].

к прагматизму в деятельности правительства и других политических сил России при осознании и реализации НИ; современные интерпретации НИ. Напомню главные выводы Б.В. Межуева [Межуев 1997].

Он показал, что в России в конце XIX в. сложилось три способа понимания природы НИ — культуроцентристский, прагматический и идеологический. Культуроцентристы отождествляли НИ России с приоритетными культурными ценностями православия и славянского мира. Прагматики связывали НИ со способностью государства ставить перед собой определённые цели (военная сила страны, внутренняя и внешняя устойчивость, экономическая конкурентоспособность) и добиваться их выполнения. Идеологи отождествили НИ с особой миссией России.

Вслед за Германией Россия использовала идею нации для достижения консервативных целей. Правда, в России идея нации была связана не только с консерватизмом, но и с радикализмом. Данная связь базировалась на древней идее о принципиальном антагонизме между Россией и Европой. Политическая вражда между Россией, Австро-Венгрией, Германией, Францией и Англией на рубеже XIX–XX вв. стала рассматриваться как проявление противоположности культурно-религиозных ориентаций России и Европы. Поэтому русский национализм с самого начала был культурно-философским, а не политическим течением. Он пропагандировал идею возврата к самобытным религиозным традициям народа ради обретения национальной идентичности.

Примерно в то же самое время в России начался переход от традиционного к современному обществу. Для этого процесса характерна идеологическая трактовка НИ. Она базировалась на двух факторах: остатки традиционного уклада создавали иллюзию морального консенсуса различных групп общества относительно базовых культурно-религиозных ценностей; перспективы их реализации во внешней политике России связывались с нерешённостью восточного вопроса.

В современной России нет ни консенсуса по большинству вопросов внутренней и внешней политики, ни шансов на участие в мировой истории в качестве военно-политической и культурной силы одновременно. Зато национализм есть и процветает. В СССР он сложился уже к середине 1930-х гг. и окончательно оформился после второй мировой войны. Политическое руководство страны и подчинённая ему бюрократия связали ленинско-сталинскую версию марксизма с достижением собственных интересов под видом государственных. В 1960-е гг. национализм возник вторично — в деятельности диссидентов, но уже как оппозиция коммунистическому режиму. После распада СССР к бывшим советским чиновникам и диссидентам присоединились сторонники реставрации Российской империи. На этой основе произошло воскрешение «евразийской идеи» — современного аналога русского панславизма XIX в.

Главное в российском «евразийстве» — стремление сохранить державное могущество страны и усилить независимую от Запада внешнеполитическую деятельность. Внутренние проблемы страны старых и новых «евроазиатов» особо не интересуют. Одни из них усматривают реализацию «евразийской» миссии России в её объединении с Германией против англо-американского мондиализма и выдвигают проект единой Евразии от Дублина до Владивостока; другие видят государственное призвание России в пропаганде идеалов Запада народам Востока; третьи предлагают ограничить реализацию таких идеалов пределами бывшего СССР; четвёртые считают нормальным для России её тяготение к Балканам и Ближнему Востоку...

Таковыми рассуждениями были заполнены СМИ, парламентские дебаты и журналы по всем отраслям социальных знаний в 1990-е гг. Во всех перечисленных версиях отождествлялись политика и культура. Теперь атлантические державы полагаются не просто политиче-

скими соперниками, а вечными цивилизационными врагами России. По мнению прошлых и нынешних «пассионариев», атлантические державы разлагают культурно-цивилизационную традицию России. Способствуют секуляризации и либерализации социальной жизни, заменяют органические связи механическими и т. п.

Б.В. Межуев отмечал примечательное совпадение: современные российские либералы и западники тоже исходят из соответствия между НИ России и её культурно-цивилизационной идентичностью. Правда, в либерально-западническом бараче эта идентичность полагается европейской. Дело в том, что русские либералы всегда стремились соединить внутреннюю либерализацию России с усилением её внешнеполитического могущества. Иначе говоря, не только российским «евроазиатам», но и её «западникам» почему-то неуютно оставаться в русской культуре и развивать ее. После 1991 г. в обоих лагерях задача установления цивилизационной идентичности России стала главным политическим критерием определения НИ страны.

В этом пункте я отмечал, что добиться «точности» этого критерия не удастся, и прошедшие 15 лет это полностью подтвердили. Прежде всего потому, что уже в последнее десятилетие советской власти так называемый «цивилизационный подход» приобрел ярко выраженный идеологический характер [Согрин 1996]. Он был призван замаскировать неудачу плана построения коммунизма к 1980-му году, отставание СССР по всем параметрам образа жизни от капиталистических стран, а также нежелание идеологического руководства страны воспользоваться хотя бы результатами развития марксистской мысли в тех странах, где не существовало идеологического господства правящей партии. В настоящее время цивилизационный подход стал популярной риторикой. В её рамках невозможно согласовать семантику и семиотику классической гносеологии, логики и общих рассуждений на тему о противоположности России и Запада: «Как способ знания, базирующийся на научном языке, цивилизационный подход не может служить адекватным способом постижения сложного и бесконечного содержания феномена цивилизации» [Следзевский 1997: 19].

Иначе говоря, при советской власти роль главного средства манипуляции сознанием населения СССР выступал ленинско-сталинский вариант марксизма; в современной России ту же самую роль выполняет культурно-цивилизационный подход. Поэтому переход от идеологии к прагматизму в деятельности правительства России при осознании и реализации НИ не должен удивлять. Эта тенденция является следствием изменения расклада сил на международной арене, а не стремления существенно изменить древние схемы политического мышления.

Сегодня российские коммунисты и другие «державники» исходят из того, что НИ должны быть подчинены государственным интересам. Либералы исходят из тождества между нацией и государством. На этом основании возникает консенсус между различными (на первый взгляд) направлениями политической мысли России. «Наиболее фундаментальной причиной отмеченного консенсуса, — писал Б.В. Межуев, — стало осознание основными субъектами российской политики реальной скованности страны в её внешнеполитических акциях. Россия объективно не может заявить о себе как о силе, способной нарушить политическое равновесие в мире» [Межуев 1997: 19].

Это объясняется рядом факторов: внутренней нестабильностью страны, вызванной экономическим спадом и снижением военной мощи; в настоящее время России противостоит политически единый Запад, и надеяться на противоречия внутри него, которые смогли бы обеспечить России роль гегемона в европейской истории, нет оснований; России уже некого взять под свое покровительство.

Сам реестр подобных соображений и аргументов свидетельствует о том, что внешнеполитическая ось продолжает оставаться главной при осознании НИ страны. Об этом свиде-

тельствует также становление двух основных направлений в современной российской идеологии: национал-консерватизма и национал-либерализма. Хотя они ведут между собою бесконечные дискуссии, оба исходят из отождествления национальных и государственных интересов России. Это тождество выражается в следующих постулатах: государство может быть автономно от частных интересов; верхи и низы современного российского общества заинтересованы в морально-политическом консенсусе; национально мыслящей элите приписывается решающее влияние на формирование НИ; усиление государства автоматически влечёт за собой укрепление положения страны в мировой системе; с этим перспективой связано усиление государственного регулирования внутри страны.

Есть и расхождения в позициях национал-консерваторов и национал-либералов. Первые полагают, что приоритетная задача политики заключается в укреплении экономического и военно-стратегического положения России в мире. Средством достижения этой цели они считают экономическую эффективность государства. Важное значение приписывается также геополитическим, культурно-цивилизационным и конфессиональным факторам. Они полагаются независимыми от обстоятельств и формирующими НИ России. Главная причина кризиса в стране усматривается в ослаблении государственного регулирования экономики.

Вторые считают приоритетными интересы гражданского общества, хотя конкретные исследования показывают, что в России его нет [Левин 1996]. А если бы оно даже существовало, то манипулятивное содержание данной категории только бы возросло. Тем не менее, национал-либералы полагают, что внешнеполитическая деятельность государства выступает средством реализации интересов гражданского общества. НИ квалифицируются как сфера изменчивая, поскольку они связаны с экономическим развитием и способны корректировать политический курс государства. Главная причина провала реформ в России усматривается в недостаточном отделении экономики от государства.

Исходный пункт переосмысления

Оба направления в трактовке НИ исходят из приоритета внешней политики над внутренней. Отождествляют интересы государства с интересами общества. НИ не рассматриваются во взаимосвязи с социальной структурой современной России, в которой существует пять базовых социальных слоёв [Заславская 1997]. Однако связь данных слоёв с внешней политикой даже не обсуждается. А деформация государственных интересов под влиянием ведомственных интересов министерств обороны, дипломатии, внутренних дел, госбезопасности, информации не описывается. Бюрократические интересы госаппарата не выделены в особый предмет исследования, а сама проблема НИ не рассматривается во взаимосвязи с процессом кризиса государственности в мире и в России. Феномен власти-собственности тоже не выделен в особый предмет исследования, хотя переплетение власти с собственностью связывает различные исторические эпохи и формы власти в России — монархическую, коммунистическую и современную.

Таким было моё резюме 15-летней давности из исследований 1990 гг. Я показал, что в дискуссии по проблеме НИ в России можно обнаружить все составные концепты консервативной идеологии (традиционализм, органицизм, собственность, семья, нация, империя). Эти концепты выступают в виде идеологического гибрида с современным либерализмом, для которого положение об иерархическом социальном порядке и сильном государстве является центральным. Следовательно, разделение современной политической мысли России на консервативную, либеральную и социалистическую потеряло смысл. Сама дискуссия о природе НИ России может рассматриваться как отражение интересов высших эшелонов политической, экономической и идеологической бюрократии современной России. Проблема заключа-

ется в интеграции всех аргументов против либерализма, консерватизма и социализма для доказательств ложности посылок обеих сторон, участвующих в дискуссии³.

Для решения проблемы появились предпосылки уже в 1990-е годы. Например, в дискуссии историков было показано, что на протяжении последних 150 лет (т. е. при монархической, советской и нынешней власти) государственные интересы России были и остаются раздвоенными на интересы властной элиты и интересы всего населения страны. Первые всегда господствовали над вторыми. То же самое происходит в современной России. Об этом свидетельствуют следующие факты: воспроизводство номенклатуры в нынешних властных и экономических структурах; рост государственного аппарата после 1991 г. (сегодня в России чиновников больше, чем в прежнем СССР); рост хозяйственного и этнополитического национализма; рост роли силовых структур и средств манипуляции общественным мнением (армии, органов внутренних дел и безопасности, СМИ) в политических процессах.

Поэтому можно согласиться с высказанным в ходе дискуссии мнением: нынешний интерес большинства российских учёных и политиков к проблеме НИ объясняется стремлением найти идеологическое оправдание существующих ныне границ Российского государства: «Имея дело с империей, субъект национального волеизъявления выделить достаточно сложно» [Митрохин 1997: 35]. Факт воспроизводства империи в нынешней России тоже зафиксирован. Внутренняя и внешняя политика Российской империи в её монархической, советской и нынешней формах была и остаётся связанной с техникой сокрытия её действительных интересов. О них господствующие меньшинства России предпочитают не говорить, а добиваться с помощью любых средств. В этом смысле представители разных поколений руководства России всегда находили между собой общий язык. А он состоит в правиле: чем больше власть самостоятельна, тем более НИ подменяются интересами господствующих меньшинств.

Это правило характерно для России на протяжении последних 150 лет. Государственные интересы здесь всегда определялись произволом господствующего меньшинства. Оно называло «государственными интересами» свои собственные мнения, произвол и расчёт во всех направлениях внутренней и внешней политики. Реализацией так понятых интересов всегда занимался государственный аппарат, находящийся вне общественного контроля.

Причём наций в европейском смысле слова в России не было. Прежде всего, потому, что нации как гражданское и правовое тело складываются на стадии формирования гражданского общества и правового государства. Ни того ни другого в России не было. Поэтому русские считали «нациями» нерусских. В этом отношении русское общество нередко было и пока ещё остаётся реакционнее самой власти. Кроме того, государственные интересы России никогда не совпадали с целями большинства населения страны, повышения качества жизни и модернизации [Власть и реформы... 1996]. Значит, и национальных интересов российского общества как множества индивидов до сих пор не существует.

Этот вывод совпадает с мнением участников дискуссии. Д.Е. Фурман полагает понятие НИ пережиточным, архаичным, эмоционально заряженным и неопределённым. Оно редуцирует политическое поведение к примитивным эгоистическим интересам и придаёт последним ауру естественности и моральной оправданности. Тем самым понятие НИ непригодно для научного анализа. Б.Г. Капустин определяет НИ как консервативную утопию [Капустин 1996]. Это понятие может быть предметом только исторического исследования, в процессе которого изучаются причины его становления, идеологическая и политическая роль в функционировании механизма власти. Но для познания современного общества понятие НИ не годится.

³ Свежий обзор дискуссий по проблеме нации см.: Бойко 2014.

Приведённые точки зрения отличаются от позиции большинства российских политиков и учёных. Большинство считает понятие НИ приемлемым с теоретической и практической точек зрения. Этот факт подтверждает только то, что большинство учёных продолжает участвовать в механизмах манипуляции обществом, описанных А. Макинтайром [Макинтайр 2000: 258–333]. Кроме того, анализ роли науки в царской, советской и современной России тоже показывает, что нет оснований доверять большинству учёных, особенно в сфере философии и социальных наук [Юдин 1993].

Таким образом, для переосмысления проблемы государственных интересов целесообразнее суммировать положения, противостоящие позиции большинства: НИ в России не было и нет; государственные интересы России были и остаются властно-бюрократическими; НИ отражают эгоистические мотивы поведения, не являются естественными и не имеют морального оправдания; понятие НИ может использоваться как средство исторического исследования механизма власти; универсального понимания социальных интересов не существует, поскольку общее благо всегда индивидуализировано; поэтому понятие НИ непригодно для анализа современного общества.

15 лет назад я предложил использовать эти положения как исходный пункт переосмысления проблемы государственных интересов. Существуют ли концепции, позволяющие усилить исходные положения и дистанцироваться от отождествления интересов населения России с российским государством, его господствующими меньшинствами и всеми звеньями государственного аппарата?

Пересмотр общего понятия «интерес»

Опять-таки 15 лет назад я показал, что концепция Альберта Хиршмана позволяет дистанцироваться от представления о «нормальном» капитализме, с которым могут сравниваться другие социальные системы [Макаренко 2000b]. Теорию капитализма М. Вебера (подчёркивающего роль национально-государственной экономики) и теории капитализма Ф. Хайека и М. Фридмана (акцентирующие позитивную роль «свободного рынка») нельзя считать надёжными при оценке современных социально-экономических трансформаций. Прежде всего потому, что интересы и социальные институты, сложившиеся в условиях европейского капитализма, не являются универсальной формой таких трансформаций.

Между тем точка зрения о существовании «нормального» капитализма, с которым могут сравниваться другие социально-экономические системы, пока ещё господствует в научном сообществе России. Её распространённость свидетельствует о том, что социальные науки России не отказались от участия в процессах политической манипуляции. Поэтому напомним те положения А. Хиршмана, которые позволяют усомниться в истинности указанной точки зрения.

Подход А. Хиршмана является развитием идеи М. Вебера о том, что любые социальные события и процессы являются непредвиденными следствиями ранее принятых решений. Никто из создателей капитализма не стремился к его воплощению как некоего социального проекта. Вожди Реформации разрабатывали протестантскую этику для достижения индивидуального спасения. Труд в ней был мирским вариантом религиозного аскетизма и преследовал трансцендентные цели. Если же люди ставят перед собой земные цели (как предлагают либералы) и реализуют их в традиционных формах общности (на чем настаивают консерваторы), то возникает капитализм, в котором зло господствует над добром.

С формулировкой этого положения связана новая интерпретация генезиса капитализма и его духа. А. Хиршман показал, что социальные болезни (кризисы, войны, революции) есть нормальное состояние общества и расплата за непоследовательность поведения индивидов и

социальных институтов. Концепция естественных прав человека и вся парадигма социального познания Нового времени отражает данную непоследовательность. Для критического отношения к ней более важно не противопоставлять фигуры (Вебера — Марксу и т. д.) и идеологии (либерализм — консерватизму и т. д.), а изучать *моменты общего между ними*. Только таким образом можно установить последовательность взаимопереплетения социальных теорий, принадлежащих к различным идеологиям. Однако учёные пренебрегают систематическим анализом данной проблемы. Поэтому *социальные теории до сих пор обслуживают, а не опровергают весь набор существующих идеологий*.

История социального знания Нового времени показывает, что все попытки создания новых теорий для усовершенствования управления обществом и государством заканчиваются крахом или ведут к неожиданным последствиям. Терминология социальных наук, возникших в Новое время, претендует на объективность и нейтральность. Однако оценки в ней до сих пор предшествовали выделению предмета теоретического исследования. Познавательные концепции современной социальной мысли связаны с нормативными постулатами. По этой причине социальное знание всё ещё не освободилось от христианского принципа Надежды. Социальная наука пока ещё связана с религией. Окончательный разрыв с нею остаётся делом будущего. В значительной степени это объясняется тем, что социальное знание не разорвало все связи с господствующими группами и властвующими элитами. Ориентация на анализ поведения подвластных отражает сервиллизм социальных наук.

Наиболее ярким примером указанных тенденций является категория интереса. Она всё ещё является базисом всей системы социальных наук (экономики, социологии, истории, психологии, политологии) и политики (либеральной, консервативной, марксистской, социалистической). Однако эта категория при использовании в экономическом, политическом и теоретическом языке может означать любое случайное содержание. Причём ссылка на интересы всегда содержит консервативный момент, от которого пока не смогла освободиться ни одна идеология. Если даже интересы мотивируются религией, моралью и политикой, они не являются нормой социального развития.

Дело в том, что страсти своекорыстия, властолюбия и стремления к духовному господству в Новое время выступают под прикрытием интересов, претендующих на «объективность». Квалификация материальных интересов как предвидимых, постоянных и безвредных ведёт к неожиданным следствиям. Определение собственности и денег как наиболее сильной социальной связи есть самая опасная форма идеологии, которую человечество пока не смогло преодолеть. Поэтому все теории социального развития и модернизации базируются на нормативных основаниях. Однако ни интересы, ни идеи, ни их констелляции не являются движущими силами социального развития. Доктрины гармонии интересов и равновесия сил есть разновидности идеологической аберрации.

Конкуренция тоже не может рассматриваться как норма социального развития. Конкуренция распадается на элементы социальной критики и разрыва индивидами социальных связей. В результате происходит раздвоение экономических и политических мотивов поведения индивидов. Любая их связь снижает потенциал социальной критики. Это относится ко всем формам прямой и обратной детерминации экономического и политического поведения. Снижение потенциала социальной критики объясняется вытеснением наиболее активных и последовательных индивидов из любых форм социальной организации. Такое вытеснение соответствует интересам управленческого и государственного аппарата.

Институционализация права на выход из различных организационных и политических форм порождает социальный конформизм. Он выражается в стремлении к индивидуальному успеху, становлении групп интересов, групповом вертикальном и горизонтальном продвижении. При демократии социальное пространство критики ограничивается индивидами и груп-

пами, находящимися в безвыходном положении. Это снижает потенциал критики, порождает ленивые монополии, бюрократизацию и инерцию государства. Тогда как связь критики с семьёй, церковью, нацией и государством (т. е. стремление улучшить положение дел в них без кардинальных изменений) порождает патриотизм как феномен бессознательной лояльности. А патриотизм делает неуловимым различие между демократией и тоталитаризмом.

Итак, социальные проблемы невозможно решить ни религиозными, ни моральными, ни экономическими, ни политическими средствами. Главной причиной такой невозможности являются социальные группы, профессионально занятые в сфере экономики, религии, морали, политики и производства идеологий. Эти группы не заинтересованы в кардинальных изменениях общества, поскольку любое изменение до сих пор подрывало социальный статус торговцев, промышленников, священников, моралистов, политиков и идеологов. С другой стороны, общество пока не может обойтись без них. Поэтому данные социальные группы и являются глубинным основанием консерватизма, рано или поздно проникающего в любую идеологию, стремящуюся кардинально изменить мир. Социальные науки в целом до сих пор обслуживают интересы данных социальных групп. Изменение такого положения вещей остаётся пока делом будущего.

Следовательно, теория неожиданных последствий требует отбрасывания или переосмысления всей системы главных понятий, концепций и идеологий, образующих парадигму социального мышления нового времени.

Как осуществить такое отбрасывание или переосмысление вообще, а по отношению к истории и современному состоянию России в особенности? На этот вопрос ни в отечественной, ни в зарубежной социальной науке ответа нет. Зато концепция А. Хиршмана позволяет его поставить. Если упростить логику данной концепции, то можно исходить из двух постулатов: в истории Европы главным злом были материальные интересы и конкуренция в её разновидностях гражданского общества и демократического государства; в истории России главным злом были и остаются отношения «власти-собственности» и государство, поскольку оно всегда господствовало над материальными интересами и социальными институтами. Требуется развитие данных идей на основе новых концепций для дальнейшей аргументации противоположности между интересами правительства и населения.

Бойко С.И. 2014. *Концепт нации в дискурсе парламентский партий постсоветской России: теоретико-методологический аспект. Дисс. канд. полит. наук.* — Ростов-на-Дону.

Вебер М. 2007. *О России: избранное.* Перевод А. Кустарева. — М.: РОССПЭН.

Власть и реформы... 1996. *Власть и реформы: от самодержавия к советской России.* — СПб.

Волков В.В. 2012. *Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ.* Изд. 3-е, испр. и доп. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Дедков И. 2005. *Дневник. 1953–1994.* — М.: Прогресс-Плеяда.

Заславская Т.И. 1997. Социальная структура современного российского общества. — *Общественные науки и современность.* — № 2–3.

Иноземцев В.Л. 2013. *Потерянное десятилетие.* — М.: Московская школа политических исследований.

Камкия Б.А. 2015. *Политический контекст и проблема бюрократии: концептологический анализ.* — Ростов-на-Дону: Изд. ЮФУ.

Капустин Б.Г. 1996. «Национальный интерес» как консервативная утопия. — *Свободная мысль*. — № 3.

Концепция национальных интересов... 1997. Концепция национальных интересов: общие параметры и специфика (материалы круглого стола). — *Мировая экономика и международные отношения*. — № 7.

Левин И.Б. 1996. Гражданское общество на Западе и в России. — *Полис. Политические исследования*. — № 5.

Макаренко В.П. 2000а. *Главные идеологии современности*. — Ростов-на-Дону: Феникс.

Макаренко В.П. 2000б. *Проблема общего зла: расплата за непоследовательность*. — М.: Вузовская наука.

Макаренко В.П. 2009. Научно-обывательское знание — интеллектуально-политические моды?.. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 2.

Макинтайр А. 2000. *После добродетели: Исследования теории морали*/ Пер. с англ. В.В. Целищева. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга.

Межуев Б.В. 1997. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической мысли. — *Полис. Политические исследования*. — № 1.

Митрохин С.С. 1997. Политика государства и ценности общества. — *Полис. Политические исследования*. — № 1.

Пивоваров Ю.С. 2014. О «советском» и путях его преодоления. Статья 1–2. — *Полис. Политические исследования*. — № 1–2.

Согрин В.В. 1996. Идеология и историография в России: нерасторжимый брак? — *Вопросы философии*. — № 8.

Тимофеева Л.Н. 2015. Русская власть и бюрократическое государство по В.П. Макаренко — *Полис. Политические исследования*. — № 3.

Шевцова Л. 2004. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката. — *Pro et Contra*. — Т. 8. — № 3.

Юдин Б.Г. 1993. История советской науки как процесс вторичной институционализации. — *Философские исследования*. — № 1.